

История монстра

Наталья МАРКОВА, руководитель научно-практического центра Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

В предыдущей публикации Н.Е. Марковой (НО № 7) едва ли не впервые была сформулирована гипотеза о существовании, о присутствии в нашей повседневной жизни транснациональной корпорации, осуществляющей глобальный маркетинг наркотиков. С помощью утончённых психологических методов воздействия на психику, сознание, а также вездесущих СМИ этот пожирающий души монстр давно проник в наши дома. Он с нами и с нашими детьми. «Предупреждён, значит вооружён» — именно с такой позиции стоит посмотреть на историю монстра.

Сюда же влёт его и колониальный вопрос, эта душа торговли и промышленности, тем более важная, что только колонизация спасала Великобританию от восстания рабочих и ирландцев.

История Нового Времени

Контрабанда

Сомнительная честь открытия опиума как товара первой необходимости принадлежит Великобритании. В 1773 году знаменитый двигатель британской коррупции, Ост-Индская компания приступила к поставкам этого продукта в Китай. С 1784 года к выгодной торговле присоединились США и вскоре оказались вторыми после Англии крупнейшими экспортёрами. Товар, прежде значившийся в торговых тарифах как безобидное лечебное средство, набирал зловещую мощь. Вхождение опиумного капитала во власть было стремительным. Короли, министры, сиятельные лорды и банкиры оказались кровно заинтересованными в производстве колониального опиума в Индии и его контрабандном сбыте в Китае.

Количество контрабандного опиума, со временем ставшего самым крупным британским импортом, постоянно возрастало. Запрещая торговлю на словах, Англия на деле всемерно поощряла увеличение посевов индийского был напмака. В 1838 году ввоз опиума составил уже 1500 тонн. Для сравнения: в конце XVIII века ввоз опиума составлял 200 ящиков (по 60 кг) в год. Запрет китайского правительства на ввоз наркотика не мешал маньчжурскому Императору получать средства от главного директора таможенных служб и тем самым косвенно быть причастным ко взяткам, царившим на всех уровнях китайской бюрократии. «Коррупция, которая пропитала всю систему бюрократии Небесной империи и разрушила оплот патриархального уклада, была вместе с ящиками опиума контрабандным путём ввезена в империю с английских кораблей...», — писал Маркс.

Таким образом, к концу 30-х годов XIX века употребление опиума сделалось ведущей разрушительной силой китайского общества. Императорский двор уган тем, что опиум курили даже солдаты, необходимые для подавления народа. Китайский деятель того времени (1838) Хуа Цзюэцзы свидетельствует: «Начиная с чиновного сословия правительственных учреждений вплоть до хозяев мастерских и лавок, актёров и слуг, а также женщин, буддийских монахов и даосских проповедников — все среди бела дня курят опиум, приобретают трубки и все принадлежности для курения опиума».

К началу 40-х годов главным устремлением британской дипломатии оказалась легализация опиума, незаконный ввоз которого был весьма щекотливым моментом в отношениях между двумя государствами. Намёки, дружеские советы, прямое давление британских представителей логически перешли в Англо-Франко-Китайские опиумные войны (при косвенном участии США), закончившиеся для агонизирующей Империи крахом. Так называемые цивилизованные страны практически вынудили полуфеодальный Китай открыть пять крупнейших портов и легализовать продажу наркотика, предоставив им право «наций наиболее

благоприятствуемых в торговле». К выгодному делу присоединились Бельгия, Швеция и Норвегия.

Опиумная империя

С 1858 г. британская Ост-Индская империя, а вместе с ней и вся моральная ответственность за производство наркотика в Индии и его насильственный экспорт в Китай целиком и полностью переходит к английскому правительству. Великобритания официально становится великой опиумной державой. Более поздние отчёты о китайской торговле (1871) показывают, что 2/3 британского ввоза в Китай составлял опиум.

Плата за опиум поглощала всё серебро, за другие товары китайцам уже нечем было расплачиваться. «Какую отрасль торговли следует ликвидировать — торговлю опиумом или экспортную торговлю американскими и английскими товарами?» — задавал вопрос крупный американский купец в статье, помещенной в «Merchant's magazine» в январе 1850 года (К. Маркс, т. 15, с. 565).

В самой Англии оценки вреда, наносимого опиумом, сильно различались: «Является ли опиум вредоносным наркотиком или это просто китайская копия английского пива?» — задавался вопросом обыватель. К чести англичан, находились люди, считавшие торговлю опиумом позорным пятном на имени страны. Так возникло антиопиумное движение, поставившее целью прекратить узаконенное отравление целого народа. Это движение поддерживала часть парламента, выражавшая интересы промышленности.

Одновременно с большой потерей веса потребитель опиума постепенно утрачивает умственные способности. Французы назвали последнюю стадию опиумной наркомании «скелет-идиот».

Исторические факты не оставляют места иллюзиям о сущности парламентской демократии, возобладавшей в Англии и США к XIX веку. Со времён короля Вильгельма III Оранского, уличённого во взятке в 10 000 ф.с. за обеспечение монополии в торговле Ост-Индской компании, подкуп правительства, избирателей и парламентариев вошёл в постоянную практику демократического общества.

США, возникшие из английских колоний, воспроизвели политическую систему бывшей метрополии. Капиталисты предоставляли займы правительствам, вмешивались в выборы президентов, а особо предусмотрительные, вроде американского банкира и миллионера Джона Астора, аккуратно вносили деньги в избирательный фонд обеих политических партий, что обеспечивало им в конгрессе поддержку республиканцев и демократов одновременно. Подобные реалии превращали большую часть конгресса (парламента) в прямой рупор капитала, возраставшего, в том числе, и за счёт наркотиков.

Наиболее ценным качеством политика оказывалось умение представить своекорыстную цель делом всей нации и, наоборот, устремления избирателей использовать в чуждых целях. Из пионеров PR и маркетинга XIX века назовём консерватора Дизраэли, прославившегося перехватом противоположных лозунгов политических противников перед самыми выборами и тем самым обеспечившего свою победу, и либерала Ллойд Джорджа, в предвыборных речах блестяще озвучивавшего устремления масс. Как наука и профессиональная сфера деятельности PR и маркетинг окончательно оформились столетие спустя, когда в их распоряжении оказалась вся область современных гуманитарных знаний.

Серия гравюр «Выборы» Уильяма Хогарта, в середине 50-х годов XVIII века задёшево продававшаяся в любой книжной лавке, в точности воспроизводила истинную картину выборов в британский парламент. За гравюрой, изображавшей повальное пьянство предвыборного банкета, следовала картинка подкупа фермера, фарс голосования и ликование «достойнейшего» депутата.

Рождение корпорации

Прошло несколько десятилетий, прежде чем нравственные побуждения лучшей части английского народа совпали с интересами торгового капитала Англии и США, вынужденного прекратить торговлю индийским опиумом. К концу века более дешёвый наркотик ввозился в Китай из Турции, Ирана, Южной и Юго-Восточной Азии. Вместо ожидаемого увеличения прибылей легализация опиума дала бурный рост местного культивирования, по количеству даже превышающего импорт. В Китае произошёл «невообразимый прогресс опиокурения»*.

* А. Дж. Тойнби. Цивилизация перед лицом истории

Более дорогой индийский товар проигрывал борьбу за средства китайского покупателя. Даже скандальная подтасовка фактов в пользу торговли, осуществлённая коррумпированной Королевской комиссией (1891), не могла надолго остановить начавшиеся процессы. Зачем было везти товар из Индии, когда прибыльным делом становилась его культивация в Китае?

Начало века в Китае ознаменовалось полной финансовой зависимостью маньчжурского двора от иностранных банков, новым захватом территорий западными державами и расправой интервентов с восстанием ихэцзуаней.

Ихэцзуань — «Кулак во имя справедливости и согласия». Позже Ихэтуань — «Отряды справедливости и согласия». Иностранцы назвали восстание боксёрским.

В это время в самой Англии всеобщий экономический кризис подгонял армию британских нищих к двенадцатимиллионной черте. И в Китае и в Англии назревали крупные события. Необходимо было принимать срочные меры для предотвращения революционных выступлений.

В августе 1905 года Пекин спешно отправил за границу комиссию из чиновников для «изучения образцов» западных конституций. Надо полагать, консультации прошли согласованно, так как в 1906 году новое правительство либералов в Лондоне и псевдореформаторы в Пекине одновременно выдвинули лозунги борьбы с опиумом, популярные среди народа. Энергия антиопиумного движения использовалась властями как таран для проталкивания собственных интересов. Именно этим объясняются внезапность победы, парламентский перевес и вхождение в правительство на десятилетие замершего было антиопиумного движения. Благие намерения с энтузиазмом были поддержаны общественным мнением обеих стран.

Китайский имперский декрет от 20 сентября 1906 г. бойко объявил об искоренении опиума в десятилетний срок. Закрывались опиумные притоны и магазины с принадлежностями для курения, отзывались иностранные концессии на действующие в Шанхае 1600 курилен; среди прочих курильщиков особенно строгому лечению должны были подвергнуться дворяне и должностные лица. Ежегодно на десятую часть планировалось уменьшить экспорт Британского опиума, на девятую — культивирование мака в Китае. Подавление культивирования проводилось наспех, при помощи военной силы, и также небрежно, буквально с закрытыми глазами, было освидетельствовано британской инспекцией.

Последствия международной договорённости о постепенном прекращении торговли и беспрецедентных мер, принятых китайским правительством, выглядели совершенно парадоксально. По окончании намеченного срока разразился безобразный скандал, уличивший псевдореформаторов в крупномасштабной спекуляции наркотиком. Над плодами десятилетних усилий китайского общества повис гигантский вопросительный знак. В конце концов для смягчения народного гнева правительство выдало 100 ящиков опиума в целях показательного уничтожения зла в присутствии представителей знати и гражданских организаций.

Торжественное сжигание «последнего ящика» в Шанхае произошло 25 января 1919 г. и имело чисто символическое значение. «Последние 15 лет были свидетелями переучреждения Китайской опиумной промышленности в обширном масштабе. Местное культивирование вместе с тем фактом, что Китай становился одним из лучших всемирных рынков с высокой насыщенностью наркотиками, создавали сеть гораздо более запутанную, чем являлась старая

индийская торговля», — констатировала в 1934 году «Британская опиумная политика...»

Английский автор приписывает случившееся невероятной дремучести китайского феодализма и наивному идеализму английских джентльменов из парламента, поверивших, что Китаю достаточно будет десятилетия, чтобы справиться с последствиями столетней опиумной экспансии. Китайский историк клеймит империалистов, кровопийствовавших при помощи местных компраторов вплоть до революции 1949 года. Косвенные факты и законы экономики указывают на завершение подспудных процессов формирования чудовищной монополии.

Такова предыстория Корпорации D.

Инструменты власти

Вторая мировая война ускорила деколонизацию. Западные страны оставляли свои империи, сохраняя незримое экономическое присутствие, благодаря инструментам власти, отшлифованным столетиями:

а) у власти оставалась местная элита — правящее меньшинство, имевшее «западное мировоззрение и идеалы, имплантированные в души и умы... при помощи воспитания и образования»;

б) правительство опутывалось иностранными займами, которые не в состоянии было погасить;

в) масштабы совместного предпринимательства увеличивались вместе с долей иностранных партнёров;

г) на привилегированные должности в этих предприятиях приглашались родственники влиятельных людей;

д) метрополия тайно поддерживала этнические, религиозные и территориальные конфликты, способствующие раздробленности страны.

Таким образом, спустя десятилетие после обретения Индией Независимости английские частные инвестиции даже возросли по сравнению с временами имперского господства.

Свобода, дарованная Великобританией Индии, сопровождалась положением о «свободе выбора» княжествами, что фактически означало поощрение сепаратизма. (К тому времени в Индии насчитывалось 600 княжеств, которые занимали 45,3% общей площади и имели население в 99 млн человек.) Дж. Неру в июне 1947 г. заявил о том, что конгресс не допустит отделения княжеств от Индии, а в дальнейшем «признание такой независимости какой-либо иностранной державой будет расценено как недружественный акт».

Однако в Китае Великобритания и США утратили влияние, получив удар в виде коммунистического режима. 24 февраля 1950 г. Чжоу Энь-Лай подписал указ о строжайшем запрете производства и курения опиума. Продавцы лишались гигантского рынка сбыта в самой населённой стране мира. Идеальный товар остро нуждался в новом месте продаж и покупателях. Как всегда в истории, необыкновенно вовремя явилось изобретение маркетинга, который вскоре был присоединён к основным инструментам управления.

Г. Алмонд пишет о широкомасштабной коррупции и подкупе политиков представителями корпорации во второй половине XIX и на протяжении первых десятилетий XX в. Однако, как мы уже отмечали, это происходило и раньше.

Интенсивное развитие социологии и психологии в США с 20-х годов нашего века было связано с их укоренением в почве коммерции и политики. XX век, с его массовым производством и затоваренностью вынуждал искать новые способы торговли.

Невозможность всучить ненужный товар поворачивала бизнес к изучению потребностей покупателя и производству товаров, им отвечающих. В свою очередь, такой лежалый товар, как политика, финансируемая корпорациями, также нуждался в поддержке (покупке) избирателей.

В 20–40-е годы Чикагская школа политической науки впервые начала проводить исследе-

дования воздействий на исход голосования направленной агитации (Госнелл), а также массовых коммуникативных и эмоционально-мыслительных процессов в комплексе (Лассуэл). Практика политических уверток, демагогии и лжи, на протяжении столетий выработанная западной демократией, наконец обрела свою научную теорию. Шесть книг Гарольда Лассуэла, опубликованных с 1927-го по 1939 г., положили начало «новому типу научной литературы о средствах массовой информации, пропаганде и связях с общественностью», стали основой для создания политического маркетинга.

В военные годы общественные науки приобрели ещё более прикладной характер. Война собрала мощные силы европейской научной эмиграции в США, предоставив карт-бланш американской науке. По заказам военных ведомств проводили исследования такие известные учёные, как Пол Лазарсфельд, Маргарет Мид, Гарольд Лассуэл, Герберт Маркузе, Курт Левин и др. Круг исследуемых ими вопросов был чрезвычайно широк и касался направленности пропаганды противников, социализации детей, структуры семьи, культурной уязвимости и многого другого. Опыт междисциплинарного синтеза и эмпирических исследований как нельзя кстати пришёлся после войны. Приёмы и методы, использованные против внешних врагов, пригодились для решения внутренних проблем.

Названия трудов Лассуэла говорят сами за себя: «Технология пропаганды в мировой войне (1927), «Психопатология и политика» (1930), «Мировая политика и личная незащищённость», «Пропаганда и продвижение» (1935), «Политика: кто что, когда и как получает» (1936), «Мировая революционная пропаганда: чикагское исследование» (1939).

Маркетинговые исследования приобрели чрезвычайную популярность.

К концу 40-х годов были совершены все важнейшие открытия, повлёкшие утверждение маркетинга в качестве одного из современных инструментов управления обществом. «Цель маркетинга — сделать усилия по сбыту ненужными... так хорошо познать и понять клиента, что товар или услуга будут точно подходить последнему и продавать себя сами», — говорится в классическом учебнике Котлера. Скорость интеграции западной научно-практической мысли достойна восхищения. Уже в 70-е годы анализ рынка превратился в самостоятельную отрасль английской экономики. Специалистов, занятых маркетинговыми исследованиями здесь было больше, чем в любой другой европейской стране. Лидировали две компании с годовым оборотом около 2,5 миллиона ф.с. — филиал американской «А.С. Нильсен» и английская АГБ. Отметим, что исследования первых молодёжных субкультур в Англии были проведены одним из институтов по *изучению спроса*.

Присоединение к научному арсеналу маркетинга необихевиоризма (моделирования поведения по Скиннеру) произвело окончательный переворот в способах осуществления власти. Мифология Свободы и Плюрализма охотно востребовалась массами. Правда, новая Свобода прихрамывала и была заметно ограничена в передвижении. Вслед за мантией привычно волочилося тяжёлое, намертво приросшее с колониальных времён каторжное ядро.

Отныне, управление в бывшей метрополии и бывшей колонии стало осуществляться с неслыханно расчётливой жестокостью и безжалостностью отработанного механизма.

Рефлексы

Одним из провозвестников поведенческой революции стал знаменитый американский психолог Беррес Фредерик Скиннер.

В 1948 году студенты зачитывались его романом «Уолден-2», описывающим утопическое сообщество, основанное на контроле поведения посредством принципов подкрепления. Скиннер предлагал «создание социальных форм общностей людей», основанных на идеях оперантного бихевиоризма. Все члены такого рода социальных общностей должны быть полностью интегрированы в «систему позитивного подкрепления через поведение», вследствие чего отпадает необходимость в каких-либо репрессивных институтах. Перед маркетингом открылись безграничные возможности манипулирования переменными окружающей

среды, позволяющие направлять поведенческие реакции в нужное русло.

По случайному совпадению Б. Ф. Скиннер родился в 1904 году — в год присуждения Нобелевской премии физиологу И.П. Павлову. Необихевиоризм Скиннера построен на открытых Павловым условных и безусловных рефлексах. Опишем хрестоматийный опыт, дающий представление об основных положениях необихевиоризма.

В ящике только рычаг и миска. Полуголодная крыса, случайно задев рычажок, получает шарик пищи. Голод заставляет её нажимать рычаг всё чаще и чаще. Крыса научилась нажимать рычажок (оперантное научение) благодаря первичному (безусловному) подкреплению (пища). Безусловное подкрепление — любое событие или объект, сами по себе обладающие подкрепляющими свойствами. Для людей это — пища, вода, физический комфорт, секс.

Если перед подачей шарика пищи ввести звуковой сигнал, животное научится реагировать только при его наличии. Условное подкрепление происходит посредством тесной ассоциации с безусловным подкреплением. Для людей таким подкреплением являются деньги, внимание, привязанности, хорошие оценки и т.д. Классический пример условного подкрепления — привлекательная манекенщица, демонстрирующая автомобиль. Секс (безусловный стимул) наделяет предмет своей притягательностью и обращает его в условный стимул. Скиннер поставил огромное количество экспериментов, подтвердивших его теорию. Немножко забегаая вперёд, скажем, что самый масштабный из них, под названием «Сексуальная революция», в рамках революции поведенческой был проведён Корпорацией D.

Фатум

Могла ли Британия, в силу своей островной географии тяготеющая к колониальной экспансии, избежать неизбежной роли истребительницы чужих рас? Могла ли её элита, прямо или косвенно участвующая в грабежах, подавлениях и умерщвлениях, не приобрести определённый психологический характер, без обиняков выраженный в философии Гоббса? Могло ли само население Англии оказаться свободным от воздействий и приёмов закабаления, успешно опробованных на туземцах?

Главные свойства товара, открытые Ост-Индской компанией, не были оставлены без внимания людьми дальновидными. Опиум не только приносил огромную прибыль, но и усмирял, делал довольными и безопасными толпы расплодившихся нищих. Как и любой колониальный продукт, завезённый в метрополию, он обнаружил массу поклонников. Английский писатель Томас де Квинси в 1821 году описывал в их числе даже людей высокопоставленных и талантливых: философа, декана колледжа, лорда, помощника министра...

«И если одна часть общества, еще сравнительно ограниченная, доставляет нам столько примеров подобного пристрастия (попавших в поле зрения одного-единственного наблюдателя), — говорит Квинси, — то очевиден вывод, что взятое целиком население Англии даст нам число употребляющих опиум в той же пропорции». Манчестерские промышленники, например, рассказывали, как сокращение заработка вело к тому, что будучи не в состоянии позволить себе спирт или эль, масса рабочих переходила на опиум, что быстро становилось привычкой.

Тесное соприкосновение европейской цивилизации с наркотическими средствами на протяжении более ста пятидесяти лет сделало их частью европейской культуры. Если в начале века доктор Фрейд рекомендовал кокаин пациентам исключительно в силу своего исторически обусловленного медицинского невежества, то освоение наукой синтеза наркотиков подтолкнуло власть к сознательному развитию новых социальных процессов.

В 1932 году Олдос Хаксли заглянул в будущее и с сарказмом воскликнул: «О дивный новый мир!» В его антиутопии синтетический наркотик сома заполнил повседневную жизнь.

Характерно, что потребление наркотического средства было санкционировано государством и носило обязательный характер для низших классов. Новый мир Хаксли основывался на законах бихевиоризма, тотальной пропаганде, сексуальной свободе с самого нежного возраста, запрете деторождения и генетически заданном разделении на касты. Собственно,

сама окружающая писателя современность вполне могла дать пищу для определённых умозаключений. Ко времени написания повести уже существовал бихевиоризм Э. Торндайка и Дж.Б. Уотсона, небывало распространившийся фрейдизм приобретал качества всё более агрессивные, пропаганда становилась на прочный научный фундамент, а наркотики стали также привычны, как алкоголь или табак. К началу 50-х годов эти предвидения начали сбываться с ужасающей точностью.

Неограниченность человеческого гения и ограниченность материальных ресурсов, всеобъемлющий гуманизм и тотальное истребление; в жерле второй мировой войны этот противоречивый сплав западной цивилизации приобретал новые формы и свойства. Хорошо известны основные академические центры, подготовившие учёных для осуществления «поведенческой революции» (по Г. Алмонду это — Мичиганский университет с Институтом социальных исследований, Бюро прикладных социальных исследований при Колумбийском университете, Национальный исследовательский центр по изучению общественного мнения при Чикагском университете), но конкретные сведения о её содержании и целях, практически отсутствуют.

Факты, открывшиеся нам в предыдущей статье (НО № 7), демонстрируют прямые последствия «поведенческой революции» — послевоенный взрыв коммуникаций, крах гуманизма и традиционных политических западных идеологий, наркотики, прочно утвердившиеся в практике новых поколений и расчётливое безумие сексуальной революции.

Сегодня, когда все информационные посылки поведенческой революции бушуют в отечественных средствах массовой информации, самое время обратиться к событиям 50-летней давности, с тем, чтобы ответить на важный вопрос: чем в действительности была вызвана Западная сексуальная революция. Об этом — в следующем номере.